

на нее, но они касаются частных вопросов. Говоря же о сути моего подхода, Елинер толкует его намеренно извращенно, то есть с противоположным смыслом: так, на с. 642 утверждается, будто бы я считаю, что создание теории стиля невозможно, между тем, как решению именно этой задачи было посвящено мое исследование, итогом которого стала выработка модели общей теории стиля, но эту заслугу Н.Г. Елинер приписала себе (Елинер, с. 677).

Сожалею, что результаты моего двадцатилетнего научного труда, увидели свет в искаженном образе доморощенного плагиата, снабженного знаком, охраняющим авторское право тех, кто бессовестно нарушает чужие авторские права. Публикация данного текста, не имеющего ни рецензентов, ни редакторов, осуществлена не научным издательством, а некоей типографией ГИПП «Искусство России».

Уважаемая редакция! В издательстве СПбГУ опубликована моя монография «Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля», содержание которой благодаря книге «Искусство невозможного» в изуродованном виде оказалось уже опубликованным раньше, но под чужим именем, о чем я хочу поставить в известность научную общественность.

*Доктор философских наук,
профессор философского факультета СПбГУ
Е.Н. Устюгова*

Е.Г. Соколов
ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Чем зарабатывает свой хлеб насущный простой «среднестатистический» преподаватель простой философии (или какой еще «среднестатистической» гуманитарной дисциплины) высшего учебного заведения России? В наше время – эпоху краха всяких там фундаментальных наук и системы классического образования, в отсутствии «достойного» государственного финансирования, сокращений дотаций «на науку и культуру», в присутствии довольно агрессивных конкурентов – негосударственных, более свободных от

чиновничьих директив, образовательно-воспитательных институций, способных мобильно реагировать на «сиюминутный запрос», катастрофического падения престижа профессии и т.п. Каждый знает все эти «грустные песни» наизусть. Они уже лет пятнадцать основательно обосновались в риторике повседневности. Даже сами жалобщики едва ли всерьез надеются подобными причитаниями вызвать умиления или сочувствие у кого-либо, тем паче у власть имущих, коих прошибают другими, свободными от возвышенной патетики, аргументами, а потому они, эти причитания, являются скорее формой ритуального заклинания.

Вопрос «чем и как добывают» – из разряда насущных, практических и житейских. Знаю по собственному опыту: не было ни одного дня, когда факультет или университет «открывался дверьми», на коем из уст абитуриентов или их пап-мам не прозвучала бы вариация того же самого вопрошания: «Где устраиваются закончившие философский факультет?», т.е. чем, да как они (а один из самых расхожих и «исторически сложившихся» мест устраивания наших выпускников – система Высшего образования) будут в будущем кормиться и кормить своих чад-домочадцев. Подозреваю, что и студенты-то наши, еще не вступившие в круг коллег, имеют весьма расплывчатое представление о том, как их мудрые руководители финансово держатся. Попробую объяснить возможные и наиболее распространенные «статьи дохода», из какого труда они слагаются.

Речь, разумеется, изначально не может идти о «масле к булке». Это – в других пространствах. Либо – если в наших, то – «несреднестатистический и непростой», но административно поднявшийся. Об этом «уровне» знаю не слишком много, ибо в те края еще «не заплывал», но сильно подозреваю, что там не только с «маслом», но и с другими составляющими праздничного стола «все в порядке»: сообщают же периодически в средствах массовой информации о заказных убийствах и в нашей сфере. «Заказывают» ведь не бедняков-голодранцев, но «реальных» людей. Простой и среднестатистический, коих подавляющее большинство, – это не завкафедрой, не замдекана по каким-либо вопросам, не проректор, не ректор, не како-то другой, над ними возвышающийся, администратор (у них, повторю, свои статьи дохода), но тот преподаватель (от ассистента до профессора включительно), что продолжает тянуть свою лямку в современной российской высшей школе, окормляя «потерянное по-

колени», то ли по глупости, то ли от неспособности заняться чем-то иным, более экономически выгодным, то ли, наконец, из принципиальной и пошлой любви к своему делу – такие тоже встречаются и, как мне кажется, не редко. Так как же он выкручивается и не вымирает, если при этом не имеет спонсоров в лице жен-мужей-родителей-детей, не торгует на рынке выращенными на подсобно-дачном участке дарами лета, не занимается мелко-опто-розничным бизнесом и не является по совместительству боссом какой-нибудь около образовательно-воспитательно-научной конторы, потихоньку приторговывая госимуществом?

Статья первая – «горло». Поясню: читая лекции и ведя семинары, пользуешься своими голосовыми связками, т.е. эксплуатируешь «горловой аппарат». Отсюда и слэнг – «горловые часы». Насколько мне известно, почти все мои коллеги по цеху работают одновременно в «ста местах», имея кроме основного места работы и основного оклада, той не слишком роскошной зарплаты, официально фигурирующей во всех жалобных сводках, еще и несколько подхалтур-приработков. Сегодня в нашем городе существует огромное количество всевозможных учебных и всякого рода образовательных заведений разного ранга, уровня, профиля и типа: государственные и негосударственные ВУЗы, гимназии, колледжи, курсы, «летние школы», семинары и т.д. Работы – хоть отбавляй: лекторы – нужны, их всегда не хватает. В принципе, любой профессиональный преподаватель, не ввергающий аудиторию в беспробудный сон и при этом сообщающий жажущим знаний хоть толику оных, – без особого труда отыщет себе несколько рабочих мест. Две-три халтуры – это нормальное явление. Встречаются «чемпионы», успевающие «рассеять» разумное-доброе-вечное в 6 учебно-воспитательно-образовательных «конторах». Необходимо, разумеется, иметь некоторую «интеллектуальную пластичность» или способность в краткие сроки осваивать порой очень экзотические дисциплины, а также апломб (или природную наглость?) – с непоколебимой уверенностью знатока-эксперта преподносить слушателям то, о чем накануне узнал «наспех и всухомятку». Как показывает опыт, выпускник нашего университет и нашего коридора обычно проделывают подобные дисциплинарные «сальто» без особой «ломки». Нет слов, проведение занятий – дело хорошее. Но когда их становится чрезмерно, когда скачешь из одной места в другую, пытаешься везде успеть, то...

Платят везде мало. На прокорм, конечно, наскребешь, но не более, сколько бы ни колесил по городу. Как говорят – именно говорят, ибо сам не сталкивался, – есть такие «места», где за час дают 500 и более рублей. Также говорят, что есть и среди моих коллег «мажоры», которым полагают «индивидуальные спецоклады» – что-то вроде полулегальной платы за полулегальные же услуги. Но, повторю, я в подобной ситуации никогда не был и не об исключениях речь. Кстати сказать, в негосударственных учебных заведениях платят – в общем и среднем – не больше, чем в государственных. Можно кормиться только «горлом». Однако, сей хлеб – ой какой тяжкий. Если у тебя в неделю 8 пар и более, в разных районах города, в различных и по составу, и по количеству аудиториях, да еще несколько предметов «везти» приходится, то жизнь не покажется раем. Устает не только горло – все тело ноет. Не миновать также психических и эмоциональных перегрузок. По молодости лет такой «марафон» еще можно как-то выдержать, да и то, скорее всего, не без «последствий». Как-то у меня был семестр с 21 парой на трех работах еженедельно! Но с возрастом «подниматься по лестницам» становится все труднее и труднее.

Статья вторая – гранты. Гранты заслуживают отдельного разговора. Ограничусь здесь лишь общими замечаниями. Предрекают: за грантами (целевыми программами, отдельными разовыми проектами и пр.) – будущее. Весь цивилизованный научный мир, вроде бы, живет в основном за счет грантовой системы. Но мы пока еще не слишком цивилизованы, а потому, хоть практически все мои коллеги так или иначе поучаствовали в гранто-движении, сказать, что данный способ добывания хлеба насущного стал повсеместно распространенной и обыденной практикой, видимо, еще нельзя. Более «продвинутые» (ВУЗы, люди, регионы), активно осваивающие новые, открывшиеся временем и ситуацией, возможности, оценили в полной мере прелести грантовой системы. Молодежь, приходящая нам на смену, уже и не мыслит профессию без грант-игрулек. Фондов и по миру, и в нашей стране – «миллион». Программ – несметное количество. Знай себе пиши заявки, да отправляй по указанным адресам. Причем, судя по официальной статистике, мы находимся в более выгодном положении, чем наши коллеги за рубежом: там в среднем выигрывает одна из 60 оформленных заявок, у нас показатель – на порядок выше: каждый из шести заявителей добивается своего. Скорее всего подобная эффективность – следствие консер-

ватизма и инерции мышления российских научных работников, их слабой вовлеченности в гранто-движение.

Гранты приносят несравнимо больший доход, чем «горло». Многие вкусив «сих радостей» и оценив их по достоинству, переключают всю свою профессиональную активность в эту сферу. Гранты – это ведь не только наличные деньги, но и многие другие, весьма приятные способы обустройства жизни – поездки, путешествия, отдых за свой-несвой счет, «оборудование», «тусовки», знакомства, налаживание связей, застолья, себя-издания и само-промоушн и пр. При всех достоинствах, гранты имеют один весьма существенный недостаток – они быстро кончаются. Не бывает пожизненных или долгосрочных грант-проектов. Сегодня – густо, а завтра – пусто. Надо постоянно «быть в курсе», ползать по нету, что-то там выискивать, заполнять анкеты, собирать подписи-печати, отсылать в срок, писать-доказывать и т.п. А это, едва ли, менее утомительно, чем бегать и надирать горло в аудитории. И хотя после примерно десятка заполненных форм рука так или иначе набивается, ты невольно осваиваешь принятые здесь стиль и слэнг, начинаешь «врубаться в ситуацию» (т.е. понимать, «что хотят от тебя услышать» и «как себя подать, чтобы иметь привлекательно-товарный вид»), но порой становится «очень противно». В принципе, почти везде – одно и то же, но под разными «углами». Кроме того, хорошо известно – «кто платит музыку, тот девушку и танцует», а и у собственной морально-интеллектуально-профессиональной мобильности (чего не выговоришь и не напишешь, если хорошо платят! – обучение на философском факультете позволяет иметь свое «научно-свежее мнение» чуть ли ни обо всем на свете!) есть оказывается – удивительное дело! – предел эластичности, за который ступить невозможно. Повторю: дело не в моральных и не в профессиональных принципах, а – «душа не принимает». Без объяснений.

Статья третья – гонорары. Сразу оговорюсь: я не встречал среди своих коллег таких, которые заключали бы с издательствами гонорарные контракты на выпуск собственных книг по специальности. Пишут детективные романы, фэнтези, отдельные статьи на ту или иную секундно-актуальную тему, «злободневствуют» на страницах печати. Случается. Но все это – вне или помимо профессии, либо – эпизодически. Собственные книги по специальности выпускают другими способами: получают, например, издательский грант, находят

спонсоров-меценатов, «вписываются» в ту или иную программу (международную, федеральную, региональную и пр.), наконец, издают за свой счет. Косвенно, разумеется, можно получить и за свою научную книгу что-то вроде гонорара: добиться исследовательского гранта, самому себе заплатить за исследование, а потом его в виде книги на деньги того же самого или какого другого гранта, да и издать. Получается вроде как и абсолютно легально-законно, да как-то не так... Гонорары же издатели выплачивают за другие книжки, не наших, но зарубежных, как еще живущих-здравствующих, так и уже почивших, авторов, т.е. за переводы оных. Очень многие из моих коллег кормятся переводами. Деньги тоже не слишком большие (от 500 до 4 тысяч руб. за один печатный лист), но если у тебя есть к тому склонность, то почему бы не подзаняться и этим!

Сложностей здесь, однако, не меньше, чем в предыдущих двух случаях. Назову некоторые. Авторские права – это целая «эпопея»! Есть тысяча способов их нарушить или, наоборот, их нерушимость использовать в качестве шантажа против переводчика-трудяги. Существуют определенные «кланы» или люди, воссевшие на тот или иной род литературы (авторов), полугласно и полулегально узурпировавшие себе приоритетное право на их перевод, что-то вроде «предварительного распределения» – кто, когда и что представит издательствам. Неожиданные инициативы тут не слишком приветствуются. Тот, кто отважится вопреки «сложившийся» системе вклиниться в эту очередность рискует хлопот не обернуться. Так что прежде, чем садиться за перевод той или иной книги я бы рекомендовал осведомиться, – не перебегаешь ли ты кому из заслуженных мэтров дорогу, не лишаешь ли ты его хлеба завтрашнего. Если окажется, что ты у кого из «имеющих приоритетное право» хлеб-таки «из горла вырвал», скорее всего до своего дома ты его все равно не донесешь.

Кроме того, издатель по определению, по понятию – вор и обманщик. Профессия у него такая. Тут ничего не поделаешь. Если бы издатель платил по всем заключенным контрактам, жил честно и цивилизованно, то сам бы по миру с сумой пошел просить подаяние. Вот и юлит-хитрит, себе на хлеб насущный зарабатывает. Есть великое множество способов обмануть переводчика, получить рукопись, а денег все равно не заплатить или заплатить во много раз меньше оговоренного контрактом. Могу с полной ответственностью заявить, что если за тобой никто не стоит из «сильных мира», от кого издатель так

или иначе зависит (форма зависимости может быть самая разная), то почти наверняка ты ничего за свой труд не получишь. В лучшем случае – все-таки издадут. В худшем – рукопись перевода назад не вернут, унижат, обвинят в некомпетентности, а потом плод твоих бессонных ночей и немалых раздумий, в слегка отредактированном виде выпустят под чужим именем (своим, чужим реальным, а то и вовсе вымышленным). Как будет распределен гонорар и кто его в итоге получит, остается только гадать. Обиженным – несть числа. Перевод ведь – «дело тонкое»: отвергнуть, не принять заказанную работу, отказать, признать плохим и непрофессиональным, «перевести» по переведенному, т.е. просто переписать тот же самый текст с поверхностными стилистически-редакторскими поправками – ничего нигде никогда и никому не докажешь! Да и общаться с издателями, особенно когда речь заходит о выполнении ими своих собственных обязательств – не самое веселое и приятное занятие, если, разумеется, у тебя нет природной склонности скандалить, добиваться, настаивать, «доказывать» и «утверждать» правду, вершить суд справедливости.

Статья четвертая – учебники. Как сегодня пишут во всех газетах и кричат «на всех перекрестках» страна сейчас переживает настоящий образовательный бум. Учатся, переучиваются, стажироваются, мастер-классуются, дистантно обучаются, краткосрочно и долгосрочно переквалифицируются и т.д. чуть ли не половина населения страны. И эта бесконечная гонка за новыми знаниями-навыками-профессиями, судя по цивилизованным странам, на коих держим равнение более 15 лет, будет продолжаться и впредь. Мат-обеспечение образовательного процесса – любого – и популярно, и пользуется активным спросом. Учебники – в том числе. Поэтому самые разные издатели активно ищут авторов, способных производить подобного рода продукцию. Именно ищут. Не мы, преподаватели ВУЗов, заискивающе предлагаем себя, свои головы и свои «писучие» руки, а они. Видимо – коммерчески-экономически заинтересованы. Зная издательское племя, могу предположить, что отнюдь не патриотический альтруизм ими водит. Просто диву даешься: учебников по любой области знания, гуманитарной в том числе – море, а заказы не иссякают, все новые и новые образчики сего продукта появляются на прилавках. Значит раскупаются? «Подстав» здесь гораздо меньше, хотя тоже случаются. Издатель – он и в Африке издатель: не обманешь – не выживешь. Думаю, что большинство моих коллег так или иначе поучаствовало в

написании учебников или учебных пособий для тех или иных образовательных структур.

Учебник – это жанр! Великий жанр! Воспитанный коридором философского факультета, я до сих пор не слишком хорошо понимаю, зачем они, учебники, нужны вообще, а в нашей философско-культурологически-политологически-религиоведчески-конфликтологической сфере в частности. Когда я учился, мы учебников не читали. Наши профессора нам их не рекомендовали. Как то «само собой», без особой огласки «было принято»: есть лектор, есть первоисточники – больше ничего не нужно. В крайнем случае – монографии или отдельные статьи по соответствующей теме-проблеме. Начав свою трудовую деятельность и столкнувшись чуть ли ни на первом занятии с требованием студентов рекомендовать учебник, я пришел в недоумении. Отчасти нахожусь в нем до сих пор. И до сих пор продолжаю не читать учебники и учебные пособия. Не из принципа. Просто потому, что в свое время не пристрастился к сему чтению, не научился «понимать вкус» сего жанра, а сейчас, видимо, уже поздно: любая привычка должна входить в оборот жизни в определенное время. Но, тем ни менее, их, учебников, если точнее, отдельные разделы, писывал. Не горжусь тем – каюсь: среди текстов, вышедших из моих рук, эти – наихудшие, хотя и щедрее всего оплаченные. Утешение, конечно, слабое, но – утешение: зарабатываю свой хлеб, причем зарабатываю специальностью.

Писать учебники – невыносимо муторно. Не только мне, большинство учебнико-производителей испытывают те же самые трудности. Есть, разумеется, божьей милостью мастера сего дела, обладающие необходимым даром и легкостью письма. Но здесь как и в любой другой области талант и гений – великая редкость. Едва ли ни самое удручающее – стиль. Он в прямом смысле – никакой: слова, обороты, фразы, построение повествования на протяжении многих поколений эксплуатировавшиеся в «казенных заведениях», абсолютно «затерлись», превратились в расхожие штампы, кочующие «веками» из одного «кирпича» в другой (причем, вне зависимости от «предметного наполнения»), став своеобразным аналогом публицистически-журналистской риторики. Писать таким стилем столь же тягостно, как и читать образчики оного. Тем не менее – это является нормативным требованием жанра. Даже если ты и позволишь себе словесные игривости, бдительный редактор непременно вы-

правит стилистику, вымарав все «непристойное» из текста и доведя его до «соответствующего уровня».

Другое жанровое затруднение состоит в том, что учебник по содержанию – это эталонная фиксация уже устоявшегося, общепринятого, нормативного для определенной области знания, доказавшего или заслужившего право быть переданным последующим поколениям. Здесь по определению ничего нового, непроященного, экспериментального, принципиально спорного или двусмысленно проблематичного не может быть, но – только истинное, если точнее – таковым общепризнанное. Излагать очевидное и хорошо известное всегда скучно. Излагать же это письменно скучнее во много раз. Процесс написания текстов для учебников включает по крайней мере два этапа. Первый – ознакомление с тем, что в данной области и по данному вопросу является прописанной множество раз истиной. Обложившись соответствующей литературой и обследовав ее, обычно без труда находишь то, о чем все говорят-пишут как об общепризнанном на данный момент. Причем, говорят не только то же самое по смыслу содержанию, но зачастую одними и теми же словами-фразами, хотя и подписываются разными фамилиями. Радость небольшая десять раз читать одно и тоже в различных книгах (учебниках, монографиях, словарях, справочниках, энциклопедиях), написанных и изданных в разных местах и в разное время. Второй этап – самому изложить тоже самое. А это – и вовсе непосильная задача: своих слов обычно «для этого» не находится, да они и не нужны, ибо – жанр обязывает. Вот и микшируешь те же самые фразы и обороты, или, если угодно, занимаешься монтажкой текстового полотна из уже заранее приготовленных предшественниками «стройматериалов». Есть и отрадный момент в сем процессе. Хоть и противно, но – относительно быстро и довольно легко: ни кровь, ни нервы из тебя не сочатся. Да и голову особенно прикладывать-то не приходится. Разве что мозоли на бегущих по клавиатуре пальцах набьешь!

Наивно полагать, что для написания учебника (или какого-либо из разделов) необходимо быть великим специалистом по излагаемым вопросам в данной отрасли знания. Как раз наоборот: чаще и лучше всего получается, когда о теме, сюжете, проблеме имеешь весьма отдаленное, поверхностное и неглубокое представление. Не вообще полный профан «в предмете изложения», но он – за пределами твоего узкопрофессионального научного интереса. Тебе не приходится му-

читься сомнениями, колебаться в выборе итогового решения, что и пропишешь в качестве истины, возмущаться пошлостью и неправомерностью «общепризнанного», конъюнктурной случайностью «существующих мнений» (пусть и научных): «лепишь» себе, не вдаваясь в подробности, общеизвестное без особых переживаний. От тебя только этого и ждут по сути дела. Да и со стилем можно, подозреваю, вполне освоиться, набить руку, сориентировать в нужную сторону вербально-мозговой аппарат. Доподлинно знаю, есть среди моих коллег весьма на сем поприще преуспевшие (экономически в том числе). Они с великой легкостью пекут один учебник за другим по разным, порой достаточно отдаленным друг от друга, областям гуманитарного знания. Оплачивается сей труд вполне сносно – от 2 до 6 тысяч за печатный лист. Как сторгуешься, в какую «команду» попадешь.

Вот, пожалуй, и все наиболее распространенные способы добывания хлеба насущного. Обычно они «комбинируются», совмещаются. В отдельные периоды профессиональной деятельности, а также в зависимости от личных склонностей (ну и, конечно же, фортуны-случая), та или иная статья дохода может стать ведущей. Но, как правило, другие тоже не исключаются полностью. Я, как и большинство моих коллег, все перечисленные возможности добывания средств к существованию использую. В каждой – свои минусы и свои плюсы. Где чего больше – дело вкуса и настроения. Всякая статья дохода таит подвохи и чревата эксцессами: не один же я ползаю по сему «муравейнику», коллеги, они же и конкуренты, тоже живут и выживают. Как в любой, выстроенной на принципах «цивилизованной» конкуренции, области и у нас случаются не слишком приятные ситуации. Об одной и хочу поведать.

Года два тому назад, гуляя по Невскому проспекту, я зашел в Дом книги, где бываю не часто. Без особой надобности зашел, поскольку «свою» литературу я обычно приобретаю в более дешевых магазинах, так – «узнать что новенького». Оглядел «свою витрину» (под вывеской «Культурология»), зацепился глазами за одну тоненькую брошюру. Непроизвольно, механически-автоматически среагировал на название и автора. Привожу выходные данные: Петрова М.М. Культурология. Конспект лекций. Издательство Михайлова В.А. (Лицензия ЛР № 065090 от 7.04.97 г., 191123, Санкт-Петербург, а/я 354) Санкт-Петербург. 2000 г. (ISBN 5-8016-0062-0). Компьютерный дизайн, верстка А.В. Михайлова. Отпечатано в ГП типографии им.

И.Е. Котлякова. Тираж 3000 экз. Марину Михайловну Петрову я знал. Да еще как хорошо. Да еще как долго. *Краткая справка: М.М. Петрова, выпускница нашего факультета, моя однокурсница, затем на протяжении 7 лет коллега – вначале по Институту Советской Торговли им. Ф. Энгельса (кафедра научного коммунизма и марксистско-ленинской философии), а затем по Политехническому институту (кафедра отечественной и зарубежной культуры), кандидат философских наук, защитила в 1995 г. диссертацию «Концепции общественного договора в английской философии 17 века» (кафедра истории философии философского факультета СПбГУ, научный руководитель к.филос.н. Карасев В.И.). В 1998 году, устав от безденежья высшей школы и борьбы за выживание, перешла работать мелким чиновником в только что созданный тогда при мэрии СПб комитет-300 (напомню, что это по поводу празднования 300-летия нашего города), где, как говорили общие знакомые, весьма и весьма преуспела. В студенчестве мы были знакомы мало. Во время работы – сблизилась: общее прошлое, общая «ляжка». После ее ухода из специальности перезванивались достаточно редко.*

Не знаю как кому, а мне всегда приятно видеть на прилавках книжных магазинов опусы своих знакомых, даже если это неказистые брошюры вроде той, что мне встретила в Доме книги. В данном же случае приятность смешивалась с удивлением: М.М. Петрова писала отнюдь не борзо, «диссер» мусолила лет пять, любой, даже малюсенький текст производила на свет с «душевными страданиями» и «телесными мучениями», о каждом, готовящемся к выходу в свет, опусе хорошо загодя оповещала всю «округу», а тут «втихаря» и сразу – «книга»! Взял с прилавка, полистал, пригляделся и, как говорят герои А. Платонова, «заскучал», ибо чем-то очень знакомым «пахнуло». Купил. Пришел домой, сверил: точно – это был мой собственный текст. Слово в слово, без всяких изменений, та же последовательность абзацев и параграфов, даже название разделов сохранилось. Как попал мой текст к М.М. Петровой – тому имелась предыстория.

Это было в 1998 г., весной. Кафедре отечественной и зарубежной культуры Политеха одним из питерских издательств (не помню сейчас его название) был заказан учебник по Культурологии. Все совершалось по современным, основательно-«цивилизованным» правилам: контракт, сроки, условия оплаты, требования к рукописи и т.п. В написании учебника приняли участие преподаватели кафед-

ры. Я – в том числе. Распределили между собой разделы, темы. Координировать весь процесс вызвалась М.М. Петрова. Когда книга, любая, не только учебник, пишется несколькими авторами, необходимо, чтобы кто-то за «все отвечал», т.е. собирал тексты, унифицировал их, сводил, как-то согласовывал, осуществлял связь с издательством и пр. Работа эта – не самая приятная, но, обычно, дополнительно оплачиваемая. Мы, авторы, были необычайно благодарны М.М. Петровой за то, что она взвалила на себя эти хлопоты: доверили ей право осуществлять координационно-редакторскую работу и быть нашим полноправным представителем в издательстве как по всем экономическим, так и любым другим вопросам, что и удостоверяли личными подписями в соответствующем документе. Тексты были в означенные сроки сделаны, отданы М.М. Петровой в электронном виде, ею, вместе с Г.Н. Крупниным, также принимавшем участие в этом проекте, сведены и подготовлены к сдаче в издательство, что благополучно и произошло в начале июля. Оставалось только ждать выплат гонораров, да выхода учебника. Тогда еще я, впрочем, также как и мои коллеги, не слишком хорошо понимали, что «страсти» с издательства оговоренные контрактом деньги – дело, может быть, в принципе, и возможное, но очень-очень длительное и, ох, какое непростое. Наивны были, полагая, что если мы все условия заключенного договора выполнили в оговоренном виде и в оговоренные сроки, рукопись сдали и у нас работу приняли, то и с «той стороны» никаких проволочек не случится. Но они случились. Думаю, что каждый, столкнувшийся с издательствами по аналогичным вопросам, прекрасно знает, как «это делается», т.е. как доверчивых авторов месяцами-годами водят за нос. К тому же в тот год, как известно, случился дефолт. Наше издательство официально прогорело, так и не успев выпустить учебник. М.М. Петрова – ходок по нашим нуждам и претензиям – все-таки умудрилась выбить обещанные гонорары. Уж и не знаю, как ей это удалось и с кого именно, ведь издательства вроде как уже не существовало вовсе. Спустя год мы получили обещанное. Легко представить, насколько подшевели наши деньги, ну да Бог с ними! Сейчас разговор не о них.

Итак, собранный и подготовленный к изданию учебник так и не вышел. Единственным человеком, который обладал полной версией всего текста, была М.М. Петрова. Примерно через полтора года после того, как рукопись была собрана, что-то опять «зашевелилось».

То ли наш ходок и толкач доходил и дотолкал, то ли и без нее что-то сладилось, но работа по подготовке учебника к выходу в свет возобновилась. На сей раз рукописью занялось издательство с другим названием, но «рулили» в нем те же самые люди. Авторы встречались с редактором, снимали замечания. М.М. Петрова все также продолжала координировать и отслеживать весь процесс, кропотливо блюдя наши интересы. За примерно два года, что продолжалась эта эпопея, она перезнакомилась практически со всеми сотрудниками издательства (если точнее – издательств, ибо одни и те же люди, занимавшиеся выпуском нашего учебника, не раз меняли «вывеску») от «генералов» до «привратников». Вторая попытка выпустить в свет злополучную рукопись также не увенчалась успехом, уж и не знаю по какой на сей раз причине. Что-то М.М. Петрова объясняла, но я не вслушивался, пропускал мимо ушей и в память не закладывал. Был и трети «заход», где-то спустя год после второй попытки. Марина Михайловна – к тому моменту мы уже работали в разных местах – позвонила и предложила выпустить собранный текст не отдельным учебником, а серией брошюрок под общим названием «конспект лекций по Культурологии» для студентов ВУЗов. На сей раз речь шла еще об одном, то ли третьем, то ли четвертом издательстве, где нам готовы были даже заплатить еще раз за наши тексты. Иначе говоря, предложила продать то же самое еще раз. Не великий, но все же соблазн. Но я отказался – надоела мне вся эта «вольнка». Перспектива вновь вести какие-то переговоры, заключать контракты, отслеживать процесс издания и пр. перевесили соблазн получить деньги еще раз за ту же самую работу. Да и сами тексты – не из «задушевных» или интимно-важных, особой чести их обнародование мне не принесло бы, если так и останутся неопубликованными, ничего страшного не произойдет. Кроме того, если подходить чисто формально: я работу выполнил, обещанное денежное вознаграждение получил (пусть и с опозданием, пусть и страшно девальвированное, но все же) – чего мне обижаться-то?

Как ни странно, но третья попытка в итоге увенчалась успехом: в Доме книге я как раз и купил тогда одну из частей того учебника. Свою, но изданную под фамилией М.М. Петровой, координатора и официального представителя наших интересов-прав. Разумеется, позвонил и поинтересовался: «Как такое могло произойти?». В ответ услышал совсем не свойственный, как мне казалось ранее, для

моей давнишней знакомой «нелитературный слэнг» и предложение пойти в не слишком для меня приятные места, в том числе по указанному на последней странице брошюры адрес издательства (напомню: 191123, Санкт-Петербург, а/я 354) и там высказывать свои претензии. Интонация и тон разговора убедили, что случившееся – не простое недоразумение. Чуть позже выяснилось, что еще две части того учебника, написанные другими членами политеховской кафедры отечественной и зарубежной культуры, также появились отдельными брошюрками под фамилией все той же М.М. Петровой.

Был и озадачен, и возмущен, и удручен. Чуть ли ни целый месяц находился «под впечатлением». На гребне волны праведного гнева всерьез намеревался «что-то предпринять». Друзья-знакомые-коллеги, с кем я делился, говорили разное. Одни, большей частью те, кто никогда не сталкивался с этим «бизнесом», рекомендовали нанять адвоката и обратиться в суд. Мол, мы – уже вполне цивилизованная страна, чтобы таким образом искать и утверждать правду. Я даже звонил в какую-то адвокатскую контору, занимающуюся подобными делами. Другие же, кто по этому «муравейнику» достаточно поползал, советовали отступить и махнуть рукой: времени, средств и нервов потратишь огромное количество, а результат, почти наверняка, – никакой. Как говорят, 90 % исков обиженных и ограбленных издательствами отклоняются и ничем не заканчиваются, справедливость законными и цивилизованными способам не торжествует: что-либо доказать в суде, отстоять свои «права и честь» практически невозможно. Да в общем я и сам не слишком хорошо понимал, чего именно хочу добиться в качестве результата и от кого: Чтоб выплатили причитающийся мне гонорар? – Так он же вроде как был мною однажды получен. Чтоб «покарали» обидчика, М.М. Петрову (или еще кого?), официально-судебно уличили ее во лжи и плагиате? Так мне же с того легче-то не станет: жажда мщения – слишком сильное и обременительное для моей «энергетики» чувство. Чтоб «восторжествовала справедливость?» – И вовсе потешно, нет во мне азарта правдоутвердителя. Чтоб компенсировали «моральный урон»? – Разве он может быть компенсирован деньгами? «Овчинка выделки совсем не стоила». Да и не искушен я во всех юридических, правовых, судебных и т.п. формах цивилизованного общежития: не было – почему-то думаю, что слава Богу! – нужды в них погрузиться, сами же по себе они меня не прельщают.

Отступился. Ничего не стал предпринимать. И потому, что «себе дороже». Но главное – противно стало. Заниматься этим – значит продлевать неприятное состояние, продолжать – возможно даже весьма длительный период – находиться в этом «контексте»: ходить в казенные места, встречаться с неприятными людьми (с той же самой Мариной Михайловной), говорить с ними, что-то доказывать, объяснять, что «ты не верблюд». Зачем, если в жизни есть и более приятные вещи, стоит ли растрчивать себя на всякие мерзости?! Кроме того – и это не просто ради самоуспокоения или самоутешения – я уже прожил достаточно для того, чтобы реально-практически убедиться в справедливости расхожей христианской максимы: ни один грех не остается безнаказанным – «отливается», непременно, всегда неожиданно и всегда по самому больному «бьет». Так что...

Эмоции улеглись. Я успокоился. Осталась печаль, потому что... грустно как-то, господи! И тогда думал, и сейчас продолжаю полагать, что «некоторые вещи», всем известные, вполне обычные (до такой степени, что и проговаривать-то их как-то неудобно), вероятно, чудовищно наивные, надо не только знать, но и соблюдать. Так простой «среднестатистический» преподаватель Высшей школы (также как и непростой, и не только высшей) не может себе позволить, например, ругаться матом в аудитории, щупать студенток «за мягкие места», воровать и пр. Знаю, и матерятся прилюдно, и со студентками вольничают, и воруют (на факультете кражи не прекращаются, предотвратить их охранником с радиотелефоном, расхаживающим весь день по коридору, невозможно). Но этого делать все равно нельзя. Даже не по этическим, или там каким эстетическим принципам, а без всяких принципов – просто нельзя. Точно также нельзя брать тексты своих коллег (знакомых, друзей, учеников, учителей) и выпускать их под своим именем. Опять-таки, знаю, что повсеместно распространено. Плагиат существовал и раньше, наша эпоха – не хуже и не лучше других. Вероятно, это – одна из теневых сторон нашей профессиональной жизни: воруют идеи, факты, тексты, «творчески их перерабатывают», выдают за свои, добывая тем самым себе те или иные блага – репутацию, служебно-административные «фишки», научное имя. Деньги тут – не единственный и не самый главный стимул. Но все равно, это – плохо. О подобных случаях я множество раз слышал, читал. Но как-то никогда ранее не приходило в голову, что и меня это коснется, был уве-

рен, что я абсолютно застрахован – порядочностью окружающих меня людей, да и не шибко большой значимостью производимого мной «продукта» – от подобных эксцессов. Вот коснулось.

Удручает же еще и ничтожность, мелкость кражи. Деньги, которые М.М. Петрова получила, вторично продав имеющиеся у нее чужие тесты, – не ахти какие. И не нужда ее толкнула. В комитете-300, где она работала в тот момент, платили как и во всех управленческо-административных службах на несколько порядков больше, чем в Высшей школе, о чем она мне говорила не раз, еще до случившегося. Ладно там «высокие чувства» – дружество, годы и годы общения, предательство и пр. – Бог с ними! Важнее репутация. Во много раз важнее. Ибо, если возвращаться к хлебу насущному и к легальным способам его добывания, оплата твоего труда по всем четырем статьям в первую очередь зависит от твоей репутации (от «погон» – во вторую). Город Санкт-Петербург, как и любой другой – «маленький город». «Муравейник» наш – того меньше. Десяток лет покувыркаешься – знать будешь абсолютно всех. Наивно надеяться, что подобного рода факты здесь останутся незамеченными. Если бы в Париже или в Сыктывкаре брошюрка вышла – тогда «возможны варианты». Но не в Питере, где все, находящиеся в нашей профессии, друг друга знают отнюдь не через б рукопожатий, максимум – через два. Стоило ли рисковать?

Я не знаю, где и как обитает нынче моя бывшая однокурсница и бывшая коллега. В разговорах со мной общие знакомые о ней не вспоминают, полагая, что таким образом «щадят мои чувства». Щадить нечего – их не осталось: давно это было. Вспомнилось же потому, что на философском факультете в последнее время стали возникать аналогичные эксцессы. Не знаю, стоит ли тут «что-то делать», но информировать «сообщество», уверен, необходимо – Герои должны быть названы и публично представлены во всем блеске совершенных им дел.